

ПРО ПОЛИТИИ

К поиску Николая Никитина должно подключиться местное население

Один из самых известных дальневосточных музеев, создатель и автор зву-

Ирина Лир

жители, на поисках в районе села Зворон задействованы сотрудники МЧС. Ориентировки расклеены по всей баумовской ветке.

Мы не теряем надежды. Иногда совокупные действия многих людей, а особенно властей могут совершить настоящее чудо.

В связи с созданным положением газета «Молодой дальневосточник», общественность краевой столицы, молодежь, которая имела единственную возможность практически бесплатно записывать свои песни у артистов, родственники Ни-

КРИМИНАЛ
МЫЕ ГРАЖДАНЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРИВЫЧ
УБИВА

ДОМ

У ДОРОГИ

Заказывайте:

Цикл рассказов о важных событиях

От Центрального Комитета КПСС,
Президиума Верховного Совета СССР,
Совета Министров СССР

По данным
МВД СССР

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1979 года...

В издании два в двух...
...для ознакомления...
...в целях ознакомления...
...для ознакомления...
...в целях ознакомления...

1990
Январь
19
Пятница
№ 13 (10192)
Два Т. 1 кн.

Ирина Лир

Дом у дороги. Цикл рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69808516

SelfPub; 2023

Аннотация

Цикл рассказов «Дом у дороги» раскроет читателю тайну одного загадочного дома, который стоит в глухом, мрачном лесу, возле проселочной дороги. Он не виден простому человеку. Но если кто-то запутался в своей жизни, потерял веру в лучшее или вступил на «кривую дорожку», сама Судьба приведет его к этому дому. А его таинственный хозяин – Проводник поможет найти пути выхода из жизненного тупика. Но Проводник не одинок. Последние два рассказа «Вороны» и «Незнакомка» познакомят читателя с его не менее интересными родственниками. Примечание: Обложка создана автором при помощи нейросети `ruDALL-E` и сайта `Renderforest`.

Содержание

Дом у дороги	4
История первая	11
Ванька	11
История вторая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ирина Лир

Дом у дороги.

Цикл рассказов

Дом у дороги

Пролог

Белая «Тойота» мчалась по шоссе, всё больше удаляясь от города, его шума и разогретых июльским солнцем асфальта и бетона. И хотя в машине были опущены все стекла, Кире было очень душно. Неделию назад в их с Лёшей «Королке» сломался кондиционер. Кто-то клятвенно обещал его починить, но как всегда у кого-то «руки не дошли». Кира, отпивая уже теплую воду из бутылки, с упреком посмотрела на Лёшу, который, улыбаясь, уверенно обгонял другие автомобили. Тот, будто почуввав ее взгляд, повернулся в ее сторону и весело подмигнул.

– Кир, ну хватит дуться, – примирительно сказал ей Алексей, – У нас с тобой впереди целые выходные в маленьком домике на природе. Представь себе, никаких пробок, «горящих сроков», бытовухи. Только ты, я и лес с речкой. Дедок не в счёт. Саня говорил, его вообще не видно и не слышно.

Саня и Настя, друзья Киры и Леши, были женаты год и на прошлые выходные отдыхали в деревне, сняв комнату в деревне у одного деда. Как они рассказывали, домик чистенький, опрятный, стоит возле самой речки. Антип Матвеевич, или просто Матвеич, добродушный, словоохотливый старичок, но без дела с разговорами не пристает и, если видит, что люди хотят просто отдохнуть в тишине, уходит по своим делам и становится практически незаметным. Ну а если нужно места красивые в лесу указать, порыбачить всласть или поговорить по душам, Матвеич тут как тут. Берет он за простой сущие копейки, готовит здорово, по-деревенски. А уж какие байки по вечерам «травит», заслушаешься! Ребята говорили, что природа и воздух там удивительные! В общем, они приехали довольные и говорили, что отдохнули там лучше, чем за неделю в Греции, а по приезду в город настоятельно рекомендовали Алексею и Кире отдохнуть именно у Матвеича. Взяв номер телефона Антипа Матвеевича, Лёша на неделе с ним созвонился и договорился, что они с Кирой снимут у него комнату с вечера пятницы по воскресенье. Дедок с радостью согласился.

– Ты представляешь, – радостно сообщил Кире Лёша, – у него возле дома небольшой причал и, даже лодка старенькая и удочки есть. Ух, и порыбачу!

Кира неопределенно кивнула. Ее мучали абсолютно нераспространенные размышления. Неделю назад Кира узнала, что беременна, восемь недель. Казалось бы, прекрасная новость. Они

были вместе с Лешей уже четыре года, оба закончили один и тот же университет иностранных языков. Снимали вместе квартиру, купили подержанную Тойоту в кредит. У Алексея хорошо было с английским и немецким, так что он без труда устроился на совместное русско-немецкое предприятие переводчиком. А Кира любила французский, считая его языком аристократов. Она работала дистанционно из дома, перебиваясь редкими заказами по переводу текстов с французского на русский. Алексей уже пятый раз делал ей предложение, с цветами и без, но Кира хотела большего. Им было по двадцать пять лет и, вся жизнь была впереди. Кира мечтала о путешествиях, мечтала о Париже, Риме, Вене, Барселоне, в конце концов. А ребенок мог спутать ей все планы. Прощай мечты, здравствуйте пелёнки и бессонные ночи. Три дня назад она была у гинеколога и записалась на аборт. О том, чтобы сказать Лёше о своей беременности и желании от нее избавиться она даже и не помышляла. Тот сделал бы всё возможное, чтобы ее остановить. Так что Кира твердо решила, что в следующий вторник, пока Лёша будет на работе, решит эту проблему. Но что-то... Что-то не давало ей покоя. Кире казалось, что «мать» в ней отчаянно борется со «свободной и независимой женщиной». От этих мыслей она мрачнела всё сильнее.

– Ну улыбнись, – не понимая, той борьбы, что сейчас идет у Киры в голове, пытался развеселить ее Леша, – А вот и та деревня! – вдруг радостно крикнул он.

Свернув в сторону деревни, и проехав небольшой лес, Алексей стал внимательно всматриваться в номера домов. Проезжая мимо одного из них, он увидел на лавочке двух опрятных старушек, о чем-то мило беседующих. Подъехав к ним и заглушив мотор, Леша приветливо поздоровался с ними и спросил, не знают ли они, где находится дом Антипа Матвеевича.

– Это Матвеича, что ль? – отозвалась одна из бабулек, – Так он в самом конце деревни. Езжайте до конца. Домишко его там последний, в глубине сада стоит. А вы, чай в гости к этому бобылю или родня какая?

– В гости, – уже заводя мотор, ответил Лёша.

– Ну тогда понятно, – Улыбнулась ему в ответ словоохотливая старушка, – А то я думаю, отродясь у него родни не было. Всю жизнь один здесь живет.

Махнув на прощание старушкам, Алексей и Кира двинулись дальше. Уже подъезжая к краю деревни, они чуть не пропустили нужный дом. Он действительно стоял в глубине яблоневого сада, так еще и выкрашен был в темно-зеленый цвет и сливался с деревьями.

– Странно, – задумчиво произнес Алексей, идя по саду к домику, – Ни забора, ни собак.

– Значит место здесь спокойное, – предположила Кира, – Раз забор с собаками не нужны.

Уже подходя к дому, Алексей заметил, что дверь в дом открыта и завешана светлой тюлью, видать от мошки и ко-

маров.

– Антип Матвеич! – крикнул Лёша возле самой двери.

– О, ребятки! Приехали? – раздался веселый голос позади них.

Кира и Леша разом обернулись. Рядом с ними стоял невысокий, сухонький старичок с седой, жиденькой бороденкой и улыбочивым морщинистым лицом. Он держал в руках небольшую лейку, которую, кряхтя, поставил возле крыльца. Сняв легкую белую кепку, дедок вытер пот с лысины и, всё также улыбаясь, продолжил:

– А я вас раньше ждал.

– Так пробки же, Антип Матвеевич, – невольно улыбнулся ему в ответ Лёша.

= Матвеич. Зовите меня, ребятки, Матвеичем. Меня так все кличут, – прояснил дед, – А вы, я так полагаю, Алёша и Кира?

Ребята дружно закивали головами.

– Ну вот и познакомились, – сказал Матвеич, поднимаясь на крыльцо, – А теперь пошли располагаться и за стол. Вечереет уже. Самовар давно горячий.

Миновав небольшую веранду и войдя в домик, Кира и Леша увидели небольшую комнату с выбеленной печкой в левом крайнем углу., на которой чинно расположился самовар. Вся мебель была довольно старой, но чистота здесь просто поражала. И это с учетом, что здесь много лет жил одинокий пожилой мужчина. Матвеич, не останавливаясь, про-

вел ребят до конца комнаты, где за незатейливой занавеской оказался дверной проем во вторую комнату, размером поменьше. Здесь стояла небольшая кровать, застеленная цветным пледом, старенький шифоньер и небольшой письменный стол со стулом.

– Ну вот, – как бы смущаясь, пробормотал Матвейч, – Как-то так.

– Отлично! – радостно сказал Лёша и поставил сумки на пол.

– Ну вы тут располагайтесь, – засуетился Матвейч, – А я пойду, стол в беседке накрою. Вечерять будем.

Уже сидя в летней беседке и отпивая из большой кружки чай, Лёша вдруг спросил:

– А что, Матвейч, говорят, Вы байки сказывать мастер?

– Про байки не скажу, – хитро прищурился дед, – А вот, что народ сказывает и друг дружке шепотом передает, то мне ведомо.

– Ну что, например? – подмигнув Кире, подался вперед Лёша.

– Ну, к примеру, ты, когда к деревне подъезжал, хоть один заброшенный дом видал?

– Нет, – уверенно ответил ему Лёша.

– Вооот, – многозначительно протянул старик, – А он там есть. Стоит точно на свороте к нашей деревне, в лесу. Только простому глазу он не виден. Хоть целый день по лесу там бегай, всё равно не сыщешь. Видят его только те, кто заблудил-

ся в этой жизни, кто потерял свой истинный путь и забрел в тупик или, кто так думает. Вот тогда сама судьба приведет его в этот дом. Люди говорят, что выглядит он, как давно заброшенная лачуга, разрушенная временем. И те, у кого на пути встает этот дом, не осознают, что попали в руки к самой судьбе. Сказывают, что войдя туда, человек может изменить себя, а может и нет. Там ему дается выбор. А уж решает он сам.

– И многие попадали в этот дом? – затаив дыхание, спросила Кира.

Матвеич тяжело вздохнул и тихо сказал:

– Да кто ж их всех сосчитает. Знаете, сколько горя людского по миру бродит, сколько судеб порушенных да жизней покалеченных? И не каждому дается шанс всё исправить и найти верную дорогу. А этот дом дает, пусть небольшой шанс, но дает.

– Ну а Вы сами-то, Матвеич, – не унимался Лёша, – хоть одного такого знаете?

– Я же говорю тебе, Алёша, это не я, а людская молва, – уклончиво ответил Матвеич. Потом призадумался и продолжил, – Вот люди сказывали, жил у нас в деревне один парнишка, Ванькой звали...

История первая

Ванька

«Да пошло оно всё! Да пошли они все!» – думал Ванька, плетясь по ночной деревне в сторону железной дороги, что проходила у них за лесом. В руке он нес недопитую бутылку водки, из которой раз за разом отпивал для храбрости. Он был сильно пьян и еле стоял на ногах, но упрямо шел, как ему казалось, к своему избавлению.

Всю жизнь, с самого рождения, Ванька прожил в этой деревне. один он был у матери. Отца он не знал. Тот бросил мать, когда узнал о ее беременности и свалил куда-то на Север, да там и сгинул. Из всей родни у них с матерью остались только старая бабушка в соседней деревне и сестра матери, которая жила в Казахстане. Вот и всё. Ванечка, как называла с любовью его мама, Елена Васильевна, был ее отрадой и опорой. Парнем он был спокойным и работающим. Плюс ко всему, в поселковой школе Ваня показывал отличные результаты и имел все шансы поступить в приличный вуз. Вот только его удивительное спокойствие и неумение давать отпор были на руку местной шпане и давали им кучу поводов для издевок, а иногда и откровенных издевательств над доб-

рым и неконфликтным пареньком. Но Ваня терпел и стойко сносил все издевательства. У него была мечта. Он мечтал получить хорошее образование и достойную профессию, переехать жить в большой город и перевезти туда маму, подальше от тяжелого физического труда и поближе к благам цивилизации.

Ко всем своим неприятностям, в конце одиннадцатого класса Ваньку угораздило крепко влюбиться. В том году, в апреле, в соседний дом приехала семья из города: отец, мать и их двадцатилетняя дочь Лиза. Они купили его под дачу. И как только Ванька увидел Лизу, то понял, что пропал. Высокая, стройная блондинка с длинными волосами и надменным взглядом в один миг покорила сердце семнадцатилетнего паренька. Из слов матери, которая быстро подружилась с соседями, он узнал, что Лиза училась на третьем курсе филфака. Но для влюбленного Ваньки это не было преградой. Это было еще одним стимулом поступить в городской вуз и обязательно найти в городе Лизу. А уж там... Эх, первая любовь и подростковые мечты...

И вот сейчас всё рухнуло на глазах. Выпускные экзамены Ваня сдал успешно. Подав документы на зачисление в один из политехнических вузов на специальность инженера, он нисколько не сомневался в своем зачислении. И только в начале августа поехал в город узнать, в какую группу будет зачислен и в какое общежитие заселен. Мама на это время уехала на три дня к бабушке, которая была к тому време-

ни очень стара, но категорически отказывалась переезжать жить к дочери с внуком. Вот Елена Васильевна и моталась туда-сюда.

Когда Ваня приехал в университет, то узнал, что его нет в списках на зачисление на бюджетные места. А на платное отделение, ясно-понятно, у них с матерью денег не было. Возвращался домой Ванька как в тумане. «Что же теперь будет? – думал он, – Что же я теперь скажу маме?». Жизнь Ваньке представлялась сплошным кошмаром. Он даже думать боялся, чтобы еще хотя бы год жить у себя в деревне. кем он теперь будет? Пастухом? Скотником? Трактористом? Нет, это не для него! А Лиза? На кой черт он ей такой сдался, без образования и перспектив.

Подходя вечером к своему дому, Ваня еще издалека услышал музыку во дворе соседей и громкие голоса. Родители Лизы были людьми тихими и приличными. Данные звуки могли говорить только об одном, Лиза приехала сюда без родителей и привезла друзей. Войдя к себе во двор, Ванька мельком взглянул через забор. Так и есть. Возле дома соседей горел свет. Несколько молодых парней и девушек смеялись и танцевали. И тут, возле самого забора, в тени деревьев, Ванька увидел Лизу с каким-то высоким парнем. И они целовались!

Всё! Для Ваньки это было уже пределом! Он ворвался к себе в дом, громко хлопнув дверью, рывком открыл холодильник и схватил бутылку водки. В обычной жизни ни Еле-

на Васильевна, ни Ванька не употребляли алкоголь, но дома он всегда водился. Водка, спирт и самогон в их деревне были «ходовой валютой» и, иногда, в плане оплаты, ценились даже больше денег. Раньше Ванька не понимал, как можно продавать свой труд за «пузырь» и для чего напиваться до беспмятства и потери человеческого облика. Но именно сейчас он хотел этого. Он жаждал уйти в то состояние небытия, в котором все «непомерные» проблемы, по его мнению, ушли бы безвозвратно. С яростью открутив крышку, Ванька сделал два больших глотка из бутылки и сморщился. «Гадость! – тут же подумал он, – Как ее вообще пьют?». Но тут в голове зашумело и по телу стало разливаться тепло. «А неплохо!» – ухмыльнулся про себя Ванька, сделав еще пару глотков. Ваньке стало так жалко себя, стремившегося к победе и всё потерявшего! Сидя у себя на кухне, и продолжая «впихивать» в себя огненную жидкость, он не прекращал думать, как несправедлив мир и люди, живущие в нем, как он одинок и несчастен. И здесь подростковая психика, разбавленная алкоголем, сыграла с ним злую шутку. Вместо того, чтобы расслабиться и уснуть, он стал накручивать себя и, в результате, уже сильно «набравшись», нашел, как он считал, выход. «Всё это конец! – обреченно думал уже еле сидевший на стуле, Ванька, – Зачем мне такая жизнь? Ничего не добился. Мать разочаровал. Лизка, сучка, изменила. (Ванька на полном серьезе считал себя преданным). Эти твари (имея в виду деревенскую шпану) меня точно добьют. Вот пойду

и повешусь в сарайке! Пусть они все узнают, до чего меня довели!».

Хлебнув еще для храбрости и, прихватив с собой полупустую бутылку, Ванька поплелся к сараю. Доносившаяся с соседнего двора музыка и смех еще больше раздражали Ваньку, придавая ему решимости в задуманном. Войдя в сарай, Ванька взглянул на верхнюю балку и представил себе, как он болтается в петле мертвый, а Лиза хватает его за ноги и рыдает навзрыд. От этих мыслей он пьяно улыбнулся, но тут его голова закружилась и он, не удержавшись на ногах, плюхнулся на пол. «Не, – подумал Ванька, – до балки я не доберусь. Еще веревку искать, узел вязать... Это долго. Нужен способ попроще». И тут он вспомнил, что за деревней проходит железная дорога. «Вот это самое оно, – поднимаясь на ноги, ухмыльнулся он, – Главное до нее дойти».

Полный решимости, он вышел за калитку и, пьяно пошатываясь, поплелся в сторону железнодорожных путей.

Миновав деревню и подойдя к лесу, Ванька остановился. Он помнил, что здесь была тропинка, ведущая через лес, напрямки к железной дороге. А вот и она. Крепче сжав бутылку с водкой, он свернул на нее.

Ванька уже долго брел по лесу и, кажется, потерял заветную тропинку. И еще, его стало клонить в сон. Но он упрямо двигался вперед. И тут ему показалось, что среди деревьев он увидел свет. «Твою мать! – выругался про себя Ванька, – Опять вернулся в деревню! Значит всё-таки сарай!». И он

направился в сторону огней.

По мере приближения, Ванька стал осознавать, что идет на свет окон дома. Но когда он вышел к этому дому, то понял, что тот стоит посреди леса, а рядом нет ничего, кроме деревьев. Да и домом это назвать было сложно. Посреди леса стояла полуразрушенная лачуга, покосившаяся от времени, с прохудившейся крышей, разбитыми окнами, в которых, тем не менее, был виден свет. «Что за черт, – подумал Ванька, – всю жизнь здесь живу, каждую тропку тут знаю. А эту рухлядь вижу впервые». Подойдя ближе, он почувствовал, что от дома веет теплом, словно там топилась печь. Но дыма из полуразвалившейся трубы видно не было. «Да и хрен с ним. Свет горит, значит там кто-то есть. Зайду, спрошу, далеко ли до железной дороги, – подумал Ванька и шагнул в полуогнивший дверной проем.

Войдя в дом Ваня увидел кругом следы разрухи и запустения. Здесь была всего одна комната с круглым столом посередине, односпальной кроватью с желтым матрасом у стены и креслом-качалкой в противоположном углу. Всё было покрыто пылью и паутиной. Стены комнаты были оклеены вырезками из старых газет, фотороботами «Их разыскивает милиция!» и какими-то заметками, написанными от руки. Ванька стал оглядываться по сторонам, пытаясь найти источник света. Но его нигде не было. Комната просто светилась и всё.

– Есть тут кто? – решился все-таки спросить Ванька, – Эй!

Но в ответ была лишь тишина.

– Ну и ладно, – устало пробормотал Ванька и плюхнулся на кровать, – Сейчас допью и двину дальше.

– Добрый вечер, – услышал он приглушенный мужской баритон рядом с собой.

Подскочив от неожиданности, Ванька вскинул голову и посмотрел вперед.

Напротив него, в кресле-качалке, положив ногу на ногу, сидел высокий брюнет в строгом черном костюме-тройке. Его лицо практически находилось в тени, но Ванька явно чувствовал, что глаза незнакомца внимательно смотрят на него.

– Эээ, – удивленно протянул Ванька, – Здравствуйте... Я... Тут... Нечаянно забрёл... Заблудился, в общем...

– Нечаянно? – переспросил незнакомец и наклонился вперед.

Ванька увидел лицо незнакомца. На вид ему было лет сорок. Спокойное смуглое лицо с карими глазами ничем не отличалось от сотни других. И если бы завтра Ваньку спросили, как выглядел этот мужчина, он не смог бы воссоздать в памяти ни одной отличительной приметы. Тем временем мужчина продолжил:

– Видите ли, юноша, сюда просто так никто не попадает, – затем еще пристальней посмотрел на Ваню, – А то, что ты заблудился – это правда. Но заблудился ты в своей жизни. Скажи мне, Иван, зачем ты так рвёшься умереть?

У Ваньки аж челюсть отвисла! Откуда он знает? Будто бы прочитав немой вопрос в его голове, незнакомец усмехнулся и сказал:

– Я знаю всё, о чем ты думаешь, чего хочешь и к чему стремишься.

– Кто Вы? – испуганно спросил Ванька.

– Зови меня Проводник, – ответил незнакомец, – Я тот, кто чувствует заблудшие души и помогает найти выход. Я всего лишь показываю пути, по которым может пойти жизнь. А может и нет. Никаких уговоров и увещеваний. Только факты и видение возможностей. Поэтому меня и зовут Проводником. Но выбор всегда за самим человеком. Итак, – еще раз настойчиво повторил мужчина, – Я задал тебе простой вопрос и жду ответа.

– А Вам-то чего с этого? – немного придя в себя, огрызнулся Ванька, – Вы что, психолог? Будете в душу ко мне лезть?

Проводник тяжело вздохнул и ответил:

– Никто туда к тебе не лезет. Тем более твоя душа – она только твоя. И как ей распорядиться, решать тоже, только тебе. Мне лишь нужно, чтобы ты сказал, что тебя толкает расстаться с самым бесценным даром.

– Каким даром? – недоуменно спросил Ванька.

– Жизнью, – ответил Проводник.

– Да Вы хоть знаете, какая она у меня?! – расхрабрился Ванька, – Такой жизни и врагу не пожелаешь!

– Ну так поведай мне, – опять же спокойно обратился к нему Проводник, – Хочу узнать, как ее видишь ты.

– А к чёрту! – выпрямился Ванька и махом осушив остатки водки и отшвырнув пустую бутылку, с жаром начал рассказывать о своей никчёмной жизни.

Он говорил и о надеждах матери, которая мечтала видеть сына уважаемым человеком, а в итоге получит спившегося скотника. Говорил о тех уродах, которые «Чмырят» его при любой удобной возможности. А он, бесхребетный, ни разу даже словом не мог дать им отпор. И, конечно же, предательница Лизка, которая не оценила высоких порывов его души. И в этом монологе Ванька так распалился, что жалость к себе и ненависть к несправедливости мира и, окружающих его людей, возросла у него до вселенских масштабов, а желание покончить с этим всем окончательно закрепилось в нем, как единственный выход.

Проводник слушал его очень внимательно, не меняя выражения лица. Когда Ванька закончил свою тираду и посмотрел на Проводника, в ожидании понимания и сочувствия, тот лишь спросил:

– Так ты решил послать всё к черту и сдаться?

– А что мне еще остается? – резко спросил его Ванька, – Я устал.

– Устал? – усмехнулся в ответ проводник, – Тебе всего лишь семнадцать.

– Вот только не надо меня агитировать! – зло уставился

на Проводника Ванька, – У тебя всё впереди! Ты сможешь! Ты справишься!

– Никто тебя агитировать и не собирается, – также не меняя тона, продолжил Проводник, – Ты уже принял решение. И как же ты намерен покинуть этот жестокий к тебе мир?

– Не знаю, – задумчиво ответил Ванька, – Может под поезд брошусь. А не получится, то с утра по шоссе машины гоняют. Прыгну под одну из них, и дело с концом. Там такие скорости, мокрого места не останется. Ну, или в сарайке повешусь. Тоже лёгкая смерть. Раз и всё.

– Значит легкой смерти ищешь... – поднимаясь с кресла-качалки, скорее утвердительно, чем вопросительно, сказал Проводник и подытожил, – Ну что ж... Тогда нам сюда.

Он указал рукой на стену, где, как Ванька помнил, были вырезки с газет и милицейские ориентировки. Но сейчас там были четыре двери, из-под которых выбивался свет.

Сказать, что Ванька был удивлен, ничего не сказать. Проводник, тем временем, уверенно шагнул к крайней из дверей и распахнул ее. Ванька, поднявшись с кровати подошел к Проводнику и осторожно заглянул вовнутрь.

Там в просторной современной кухне, освещенной ярким солнцем, за столом сидела молодая семья: муж, жена и двое сыновей-близнецов, лет пяти на вид. Женщина была очень красивой и, казалось, что она светится от счастья, глядя на мужчину и мальчишек. Ваньке показалось, что мужчина, который смеялся и шутил, очень сильно напоминает его само-

го, только тридцатилетнего.

– Ух ты, – услышал он за спиной голос Проводника, – Проманулся. Эта не та дверь. Нам не сюда. Ты же всё уже решил. Этого никогда уже не будет. Ты не дашь этой женщине право любить и быть любимой, быть счастливой женой и матерью. А эти малыши никогда не родятся. Ты лишил их права на жизнь.

И Проводник резко захлопнул эту дверь. Подойдя к следующей двери, Проводник приоткрыл ее и взглянул вперед.

– А вот и то, что нужно, – удовлетворенно сказал он и кивком головы позвал к себе Ваньку.

Не успел Ванька подойти к Проводнику, как тот схватил его за шиворот и швырнул того в дверной проем.

Ванька почувствовал болезненный удар обо что-то железное и, казалось, отключился. Через какое-то время он, сквозь туман в голове, услышал протяжные гудки. Кое-как открыв глаза в предрассветных сумерках, Ванька увидел перед собой рельс и стал осознавать, что лежит на железнодорожных путях. С усилием повернув голову вправо он с ужасом увидел несущийся на него поезд, машинист которого, видимо заметив Ваньку, стал экстренно тормозить и отчаянно сигналил ему. Осознав весь ужас ситуации, Ванька попытался встать и отскочить в сторону. Но было уже поздно. Локомотив уже был в метре от Ваньки и, тот закричал. Как вдруг всё исчезло.

И вот он уже стоит над кровавой грудой мяса, с ошметка-

ми одежды на ней. Которую медики, собрав по частям, укладывают в черный пакет. Кругом ходят люди: медики, железнодорожная полиция. Но внимание Ваньки привлек молодой восемнадцатилетний паренек. Видимо стажер. Он сидел на рельсах, опустив голову на руки. Он был бледным, как полотно, и его трясло. К нему подсел машинист поезда, суровый мужик с печальным лицом и, приобняв паренька, уныло сказал:

– Ничего сынок, ничего. Такое случается...

Но паренек ничего не отвечал. Казалось, он был не в себе. Рядом с ними стоял угрюмый молодой помощник машиниста и задумчиво курил.

– Ну как тебе? – раздался голос Проводника слева.

Ванька посмотрел на него, не находя слов.

– Молчишь, – ответил за него проводник, – Нечего сказать? Вот ты и исполнил своё желание. А как насчет него? – продолжил проводник, указывая на паренька, – Он в чем виноват? Он тоже хотел быть счастливым. С самого детства мечтал водить поезда. Он был полон жизни и планов. Скажи мне, Ваня, чем он провинился перед тобой, что в первый же день его стажировки, ты решил покончить с собой и бросился под этот поезд? Теперь ты будешь сниться ему каждую ночь. И речь уже не идет, будет ли он работать в поездах. Речь теперь о страхах, что ты посеял в его душе.

– Я не хотел бросаться именно под этот поезд... – пытался оправдаться Ванька.

– Этот или другой, не важно, – всё так же глядя на тех троих продолжал Проводник, – Ты думаешь, что для них, – он махнул головой в сторону машиниста и помощника, – самоубийцы или пьяницы, уснувшие на путях и раздавленные поездом, обычное дело? Ошибаешься, дружок. Каждый такой случай оставляет неизгладимый отпечаток в памяти и шрам на сердце. Каждый из них будет помнить об этом всю жизнь и думать о том, что можно было что-то исправить. И это ты сделал их невольными убийцами. Ответ мне, что сделали тебе эти люди?!!! – вдруг резко крикнул Проводник и они снова очутились в доме.

Ванька стоял посреди комнаты и ошарашенно смотрел на Проводника. А тот уже подходил к третьей двери, бормоча себе под нос:

– Что же у нас дальше?

– Не надо! – крикнул Ванька.

Но Проводник уже открыл третью дверь и, повернувшись к Ваньке, спокойно сказал:

– Нет, дружок. Ты пройдешь этот путь до конца.

С этими словами Проводник схватил Ваньку и с неимоверной силой зашвырнул того в дверной проем.

Ванька стоял на освещенном солнце шоссе и смотрел на мчащийся в его сторону автомобиль. Он видел лицо испуганного шофера и слышал визг тормозов. И опять темнота. И Ванька стоит в своей комнате и видит себя, лежащим на кровати.

– Да, да, – услышал он голос Проводника где-то сбоку.

Тот сидел на стуле в другом конце комнаты и пристально смотрел на Ваньку.

– Теперь ты парализован. Таким ты останешься на всю жизнь. Какой подарок матери! Сынок инвалид! – глядя на Ваньку, горько усмехнулся Проводник, – Видишь ли, Ваня, не всегда самоубийства заканчиваются так легко, как тебе хотелось бы. Как ты там говорил? Не хочешь матери сына скотника или тракториста? А сына инвалида, на всю жизнь прикованного к постели, хочешь? Мало ей тяжкого труда, так и еще и ты теперь. Корми тебя из ложечки, мой, дерьмо из-под тебя убирай. Как тебе такое?

– Я не этого хотел, – у Ваньки слёзы потекли из глаз.

– Интересно... – поднявшись со стула и приблизившись к нему вплотную, задумчиво произнес Проводник, – Кого ты жалеешь сейчас? Маму? Или снова себя?

Некоторое время он продолжал смотреть в глаза Ваньки, словно пытаясь проникнуть в его мысли, а затем произнес:

– Ты не умер в этот раз. Но смерть произошла.

И тут же стена на спине проводника исчезла и, Ванька увидел себя, стоящего на шоссе и, автомобиль, пытающийся затормозить. Ванька видел, как мужчина, сидящий за рулем, попытался выкрутить руль, чтобы не сбить его. Как машину занесло. Она перевернулась и врезалась в столб. И тут видение с шоссе исчезло и, Ванька увидел больничную палату. Там, весь в бинтах и под аппаратами поддержания жизни ле-

жал мужчина, а рядом с его койкой стояла заплаканная женщина и парень с беременной девушкой. Парень, прижимая к себе заплаканную девушку, повторял:

– Батя, как же так? Держись батя! Ты же обещал отплясывать на нашей свадьбе. Ты же хотел первым взять внука на руки. Держись, батя!

Но тут аппарат звонко запищал и, крик боли вырвался из груди женщины. И всё опять исчезло. Ванька снова стоял посреди старого дома, а рядом, возвышаясь над ним, стоял Проводник.

Ванька резко развернулся к нему и выпалил:

– Я этого не хотел! Я никому не хотел навредить!

– Конечно не хотел, – поднял одну бровь Проводник, – Ты об этих людях даже не думал. Ты же думаешь только о себе. Какой ты несчастный и всеми покинутый. И как жестоко обошлась с тобой судьба. Свои проблемы ты ставишь выше других. А если кто-то пострадает в результате твоих необдуманных решений, так это ничего. Всякое бывает. Ты же не знаешь этих людей. Так какое тебе дело до них? Какое тебе дело, что у них была своя прекрасная жизнь и далеко идущие планы? Ведь главное для тебя сейчас ты! А остальные так... Расходный материал.

– Нет! – крикнул в ответ Ванька, не находя оправдательных слов.

– Да, – отмахнулся от него проводник, – И ты сам, в глубине души, знаешь, что я прав. Вы, самоубийцы, всегда ищите

легкий путей, обвиняя в своих проблемах кого угодно: мир, людей, обстоятельства. Но только не себя! Вы не пытаетесь решать задачи, которые иногда подкидывает вам жизнь. Вы предпочитаете самый легкий способ уйти от этих проблем. И не важно сколько тебе лет, семнадцать или сорок. Это не слабость! Это эгоизм и безответственность! Вы даже не понимаете, что своими поступками запускаете цепную реакцию и калечите жизни других людей. Не важно, близких вам или незнакомых. Всегда, запомни, всегда, чья-то смерть затронет кого-то другого. Ты меня понимаешь?

– Да... – неуверенно ответил Ванька.

– Что ты понимаешь? – уже чуть строже спросил Проводник.

– Не буду я бросаться под поезда и машины, а тихо повешусь в сарае, пока мать не приехала, и никому не помешаю.

– Ты так ничего и не понял... – обреченно вздохнул Проводник, – Ну тогда у тебя последняя попытка, – сказал он и распахнул четвертую дверь.

Теперь Ванька видел себя в собственном сарае, болтающегося в петле, с высунувшимся синим языком. Это зрелище так поразило Ваньку, что он пару минут открывал и закрывал рот. И тут в сарай зашла мама. Ее приглушенный вскрик вывел Ваньку из ступора. Мама бросилась к висевшему в петле сыну, схватив его за ноги и, пытаясь приподнять. Она всё время повторяла:

– Сынок! Ванечка! Как же так?! Что с тобой случилось,

родненький?!

И тут она, схватившись за сердце, стала оседать. А потом и вовсе упала замертво. Ванька было кинулся к матери, но Проводник, крепко держал его в своих «железных» объятьях. Ванька неистово бился в руках Проводника и кричал.

– Мама! Мамочка! Всё это не правда! Я здесь!

Тут мама начала подниматься. Но это была не мама, а ее душа, белая, прозрачная и мерцающая. Отдалившись от мертвого тела, душа мамы подплыла к висевшему сыну, прижалась к нему и замерла. И тут Ванька заметил, что в стене сарая появилось две двери. Одна из них была белая, как чистый лист и, из-под нее был виден свет. Другая же было черной со стекавшей по ней смолой и, валившим сквозь щели дымом. Белая дверь бесшумно отворилась и яркий свет залил сарай. Ванька почувствовал, как его наполняет тепло и безмятежность. Мамина душа отстранилась от «Ванькиного» тела, последний раз взглянув на него с любовью и тоской. Затем развернулась и уплыла в «свет». Ванька рванул было туда же. Но дверь быстро захлопнулась и исчезла.

– Ну нет, дружок, – услышал он позади себя голос Проводника, – тебе туда точно вход заказан.

Ванька весь сник, сполз по стене и глядя на вторую дверь, от которой шел палящий жар и запах мертвой плоти, обреченно сказал:

– Да понял я... Мне туда, – указал он на вторую дверь.

– И туда ты тоже не вхож, – услышал он спокойный голос

сверху.

Ванька непонимающе уставился снизу вверх на Проводника. Тот, присев рядом на корточки, почти в упор смотрел на Ваньку.

– Самоубийцам никогда не попасть ни в рай, ни в ад. Ты каждый раз будешь переживать момент своей смерти, испытывать боль и смотреть в глаза тем, чьи жизни ты поломал. Вечность... Вечность... ВЕЧНОСТЬ...

И тут Ванька открыл глаза. Он сидел в своем сарае с недопитой бутылкой водки. Дневное солнце, проникшее в щели между досками, било в глаза. Встряхнув головой, Ванька откинул в сторону бутылку и поднялся на ноги. «Ничего, – подумал он, – прорвемся».

***

– Вот такая история, ребятки, – вдруг неожиданно закончил свой рассказ Матвеич, – Ух ты! Уже стемнело. Спать пора.

– Так я не понял, – недоуменно развел руками Лёша, – Ванька жив или как?

И только Матвеич открыл было рот, чтобы ответить, как со стороны калитки раздался зычный мужской бас:

– Матвеич! Ты там где?!

Матвеич кряхтя поднялся и направился в ту сторону, откуда раздавался голос, и скрылся в темноте.

Через несколько минут он появился улыбающийся и сияющий, как медный таз.

– Сын соседки заходил, – сказал Матвейч, присаживаясь на лавку в беседке, – В городе живет. Попросил его свою старую «Дружбу» починить там. Здесь умельцев нет. Так этот шельмец мне новую бензопилу купил, заграничную!

Затем, хитро прищурившись, Матвейч добавил:

– Иван Дмитриевич, большой начальник в городе. Каждые выходные возит свое семейство к матери в деревню. Хотел, по началу, ее к себе в город перевезти. Так та уперлась. «Не хочу с земли родной никуда уезжать», – говорит. Так а чего? И воздух здесь и природа. И пацанам его трудотерапия, чтобы знали, что труд разным бывает. Он их в строгости держит.

– Так это тот самый? – удивленно спросила Кира.

– Эх, девонька, – покачал головой Матвейч, – То, что я давеча сказывал – молва людская, а это – жизнь, – и, уже поднимаясь с лавки, деловито продолжил, – Так, ребятки, всем спать.

Кира и Алексей поднялись вслед за дедом...

***

Субботнее утро встретило Киру пеньем птиц и ярим солнцем, пробивавшемся сквозь цветастые занавески на окне. Еще никогда она не спала так спокойно и безмятежно. Сладко потянувшись, Кира посмотрела в сторону, где спал Лёша и, не обнаружив его, догадалась, что тот уже рыбачит с Матвейчем. Поднявшись с постели, она посмотрела на экран мобильного. Шесть утра. Первое, что заметила Кира, это

то, что обычная утренняя тошнота, вызванная ее беременностью, сейчас отступила. Она быстро собралась и вышла из дома. В летней беседке ее ждал еще один приятный сюрприз. Настоящий деревенский завтрак, заботливо приготовленный Матвеичем и прикрытый от мух белоснежным рушником.

Спустившись к небольшому деревянному причалу, Кира заметила неподалеку в реке деревянную лодку. В ней сидели с удочками Матвеич с Лешей и о чем-то тихо переговаривались. Глядя на Алексея, который весело улыбался Матвеичу, она залюбовалась им. Руки сами потянулись к животу и, она непроизвольно его погладила. И тут «мать» заговорила в ней: «И ты хочешь убить ребенка от любимого человека? Задумайся, какая у тебя может быть жизнь, семья. Сколько любви ты можешь получить от двух родных тебе людей? Разве потеря этой радости стоит двух-трех поездок за границу?». «Не слушай ее! – ответила ей «свободная» личность Киры, – «Нас ждет Париж! Нас ждут бульвар Сен- Жермен и Монмартр! Ты же столько о них мечтала!».

«Остановись! Одумайся!».

«Только вперед! К свободе и путешествиям!».

Кира почувствовала, как у нее разболелась голова от наплыва противоречий. Она резко развернулась и поднялась к беседке. В конце концов, у нее есть еще три дня на раздумье. Стоп! Раздумья? Кира вдруг ясно стала осознавать, что действительно уже сомневается в принятом решении.

Через полчаса, когда Кира уже позавтракала и собиралась собирать со стола и помыть посуду, появились Леша и Матвейч. Они весело переговаривались и громко смеялись. Леша нес ведро с рыбой. Завидев Киру, Леша широко улыбнулся и сказал:

– Привет! Хорошо спала?

– Как в раю! – без тени лукавства ответила Кира.

Матвейч хитро сощурился, потом хмыкнул и, забирая ведро у Леша, сказал:

– Ну вот и ладненько. А теперь, ребятки, идите скупнитесь на реку, отдохните. А я рыбку приготовлю. А вечером банька будет.

– Так может, я Вам помогу? – робко спросила Кира.

– Даже думать, девонька, не смей! – словно обидевшись, прикрикнул на нее Матвейч, – Успеется тебе еще поработать. А сюда вы отдыхать приехали. Так что бегом на речку!

День пролетел, как один миг. Уже сидя вечером в летней беседке, распаренные после бани, все втроем пили чай и мирно беседовали. И тут беседа как-то незаметно перешла на тему бытового пьянства.

– Вот скажите мне, Матвейч, – высказал предположение Алексей, – ведь в деревнях пьют больше, чем в городе.

– Э нет, паря, – возразил ему Матвейч, – пьют везде одинаково. Только в городе меньше заметно, так как народу у вас много. И все сидят у себя в квартирах, за закрытыми дверями. Вы иногда и соседей-то своих не всегда знаете и, что там

у них происходит не видите. А спохватываетесь только, когда беда уже случается. Вот, вроде бы, живет в соседней квартире сосед с семьей весь из себя положительный. И жена у него хорошая и детишки упитанные. А когда полиция к вам вдруг приходит, то выясняется, что пьет он крепко, и деспот в семье, и жену с детками поколачивает. А жена с ребятишками запуганы до смерти и слово боятся сказать, только чтобы люди об их семье плохо не подумали. А у нас все как на ладони. Всех мы видим, обо всех всё знаем. А если какое лихо случается, то помогаем всем миром. Так вот.

Потом Матвеич призадумался и сказал:

– Вот только помню, жила у нас тут одна. Любаней звали...

История вторая

Любаня

Любаня проснулась среди ночи. Голова гудела, как чугунный жбан, по которому долбили битами. «Сушняк» был такой, что казалось, язык сросся с верхним нёбом. Вся правая сторона тела затекла и сейчас, когда, она пыталась повернуться, стало колоть жуткими мурашками. Застонав, Люба попыталась приподняться. Но в теле была такая слабость, что с тем же стоном она рухнула назад. Лежа на боку Любаня медленно стала приходить в себя и думать. Сколько же она уже бухает? Так... Начала она в начале сентября, числа пятого, когда Савельевне помогли картошку копать. А сейчас какое число? Да хер его знает! Люба даже не думала, какой сейчас месяц. Когда тело начало нормально чувствовать, Люба поняла, что в доме очень холодно. Ее начал бить озноб. Значит никто из друзей алкашей не додумался печь протопить. Вот суки! Только бухать к Любке и ходят! Твари! А чем топить-то? В доме не осталось ни одного полешка. Даже забор вокруг дома весь стопили.

Мучимая жаждой, Люба опустила руку с кровати на пол и начала ей шарить в поисках хоть чего-нибудь, напоминающее ёмкость с жидкостью. Раздался звон и грохот пустых бутылок. Любаня поднимала каждую из них и подносила ко

рту в надежде, что хоть в одной из них осталось «бухлишко». Но, увы, все они были пустыми.

– Всё вылакали, б...ть, уроды! – зло выругалась Любка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.